

Цзинь Шуань случайно задел динамик, и механический женский голос с той стороны телефона чётко произнёс меню набора номера. Оказалось, что это вовсе не консультация для родителей, а обычный сервисный номер 10086...

Он вздохнул, опёршись на спинку стула Хань Чжоу, и посмотрел на него свысока:

— Ну и что теперь делать?

В его голосе сквозила досада. Хань Чжоу моргнул и тихо спросил:

— Ты злишься?

Цзинь Шуань усмехнулся, слегка проведя пальцем по его переносице:

— С чего бы мне злиться?

— Ну и хорошо, что не злишься. — Хань Чжоу обнял его, похлопывая по спине. — Я чуть не умер от страха.

— Отвали!

Хань Чжоу, когда начинал дурачиться, не знал меры, каждый раз придумывая новые забавы. Цзинь Шуань чувствовал, как его сердце, уже не молодое, размягчалось, будто постоянно плавая в медовой воде. Однако в жизни, как известно, не бывает всё гладко. Даже если человек умеет находить радость в трудностях, полностью избежать забот всё равно не удастся.

Наигравшись в родительские игры, Хань Чжоу решил примерить на себя роль секретаря-любовника Цзинь Шуаня. Когда тот получил звонок, Хань Чжоу уже был дома, в своём доме, где он жил с Хань Дуном.

Цзинь Шуань стоял внизу, глядя вверх. Хотя они встречались уже полгода, он бывал здесь всего два раза. В первый раз он заболел, и тогда Хань Чжоу задержался у Линьлинь, так что войти не удалось. Второй раз он провожал Хань Чжоу домой и тогда просидел всю ночь в машине внизу.

Сегодня Хань Чжоу, разыгравшись, сам пригласил его. Хотя Цзинь Шуань знал, что в доме был только Хань Чжоу, ладони его всё равно вспотели, и странное чувство начало подкрадываться.

Хань Чжоу когда-то давал ему ключ, но на этот раз он не собирался его использовать, да и Хань Чжоу не дал ему такой возможности.

Едва он подошёл к двери, как та внезапно открылась, и тень вынырнула, обхватив его с головой.

— Почему так долго, господин Цзинь? — Хань Чжоу захлопнул дверь и, не обращая внимания на всё остальное, начал целовать его.

— Был на видеоконференции. — Цзинь Шуань с трудом снял обувь, пока его вели внутрь. Сердце его колотилось, и странное чувство, одновременно возбуждающее и подавляющее, начало распространяться в груди.

Дом Хань Чжоу оказался таким, каким он его и представлял: обстановка простая, хотя оба брата были художниками, но явно не уделяли дизайну особого внимания. В комнате было много вещей: на журнальном столике, на полках, в оконных нишах — везде виднелись следы

жизни.

Цзинь Шуань, шатаясь от действий Хань Чжоу, взглянул на лестницу, где в темноте, казалось, висела занавеска или дверь, служившая перегородкой.

Хань Чжоу становился всё смелее, его руки свободно блуждали по телу Цзинь Шуаня, и в груди последнего вспыхнул огонь, который уже не позволял сосредоточиться на чём-то другом.

Он прижал Хань Чжоу к стене у двери, держа его за шею, и начал целовать от уха до шеи.

Хань Чжоу был доволен таким состоянием Цзинь Шуаня. Он запрокинул голову, одной рукой ловко расстёгивая пуговицы его рубашки.

Но, как часто бывает, в самый неподходящий момент раздался звонок телефона Хань Чжоу. Звук доносился из только что снятых штанов в гостиной, заставив его вздрогнуть.

Хань Чжоу инстинктивно отклонился в сторону, и шрам на его шее коснулся губ Цзинь Шуаня. В тот же миг острая боль пронзила всё его тело.

Цзинь Шуань обычно целовал другую сторону шеи, прикрывая рукой шрам, зная, что поцелуй в это место может привести к неприятным последствиям. Но на этот раз он не ожидал, что Хань Чжоу внезапно повернётся.

Звук шипящей кожи заставил сердце сжаться. Хань Чжоу соскользнул по стене вниз, с криком боли, вены на его шее набухли, а шрам стал ярко-красным.

Выражение его лица мгновенно изменилось, став одновременно пугающим и странно притягательным, с лёгкой улыбкой, которая вскоре сменилась решимостью, а затем скрылась внутри.

Цзинь Шуань, растерявшись, протянул руку, чтобы обнять Хань Чжоу, но тот оттолкнул его на два метра.

Цзинь Шуань пошатнулся, наблюдая, как человек перед ним с нахмуренным лицом медленно поднялся, вошёл в спальню и вышел оттуда, словно ничего не помня о том, что только что произошло.

Цзинь Шуань стоял на месте, глядя на знакомое, но теперь странное лицо, и страх начал медленно заполнять его сердце.

Он пошевелил губами, несколько раз пытаясь заговорить, прежде чем наконец произнёс:

— Ты... Хань Дун?

Хань Чжоу остался дома на ту ночь. Он помнил, как они с Цзинь Шуанем начали ласкать друг друга, и тут внезапно вошёл Хань Дун, разлучив их.

Хань Дун всегда был против его отношений с мужчинами, и, увидев такую сцену, он, конечно, не смог сдержать эмоций, поэтому Хань Чжоу мог понять его порыв.

Его оттолкнул в спальню стремительно вошедший Хань Дун. То ли звукоизоляция в доме была слишком хорошей, то ли в гостиной говорили слишком тихо, но, прижавшись ухом к двери, Хань Чжоу почти ничего не услышал и даже не заметил, когда Цзинь Шуань ушёл.

Так как братья давно не виделись, Хань Чжоу оставался дома несколько дней, и только через неделю они снова стали жить вместе.

— Твой брат... он один дома, всё в порядке? — Цзинь Шуань, опёршись на изголовье кровати, отложил журнал по архитектуре.

— Конечно, всё в порядке. — Хань Чжоу, громко разговаривая над шумом фена, сушил волосы.
— Сейчас всё можно заказать через приложения: овощи, фрукты — что угодно доставят.

— Кстати, брат закончил свою снежную картину. — Хань Чжоу, выйдя из ванной, на ходу надевал шорты. Он взял телефон с дивана, встряхнул головой, и несколько капель воды разлетелись в стороны.

Он нашёл в альбоме фотографию и бросил телефон на кровать Цзинь Шуаню:

— Хань Дун сказал, что это тебе в подарок. Это та самая картина, которую ты хотел купить, когда мы ещё не были вместе. С тех пор прошло уже полгода.

Хань Чжоу продолжил:

— Я уже поговорил с дядей Гуанмао. Он был удивлён нашими отношениями, но проблем нет. Он даже предложил как-нибудь устроить ужин, но я сказал, что это мы должны пригласить его.

— Дядя Гуанмао относится к нам хорошо, давай как-нибудь вместе выпьем. На Хань Дуна не рассчитывай, его не вытащишь. — Хань Чжоу сел на кровать, взяв журнал, который только что отложил Цзинь Шуань.

Цзинь Шуань оторвал взгляд от телефона. Он вспомнил улыбчивого, кругленького агента Сюй Гуанмао, и его взгляд стал более глубоким.

— Ужин организуй ты, я свободен.

— Мне кажется, ты стал каким-то беспокойным с тех пор, как вернулся из моего дома. — Хань Чжоу перелистнул страницу. — Что тебе сказал мой брат?

— Он не предлагал тебе денег, чтобы ты ушёл от меня? — Хань Чжоу вдруг рассмеялся, в голове уже нарисовав себе драматическую сцену.

— Ничего особенного, просто сказал, чтобы я хорошо к тебе относился. — Цзинь Шуань натянуто улыбнулся, явно не в настроении шутить.

Он не врал. В тот день Хань Дун действительно почти ничего не говорил. Этот человек, как и описывал Хань Чжоу, был тревожным и почти не смотрел в глаза, когда видел посторонних.

Цзинь Шуань помнил, как Хань Дун, появившись, начал суетиться, убирая в доме, чтобы скрыть своё беспокойство, при этом ворча на Хань Чжоу за беспорядок и пыль, которые могли произвести плохое впечатление на гостей.

Всё это было вполне объяснимо для человека с тяжёлой социофобией. Но если бы всё было так просто... Если бы Хань Дун был просто братом Хань Чжоу, всё было бы иначе.

Цзинь Шуань, опёршись на изголовье кровати, держал в руках телефон, но в голове снова и снова всплывала сцена, когда Хань Чжоу превратился в Хань Дуна — шрам на его шее, который

стал тёмно-красным и горячим от поцелуя, его закрытые глаза от боли, а когда он открыл их, это был уже другой человек.

Лицо осталось прежним, но ощущение было совершенно иным.

Оказывается, Хань Чжоу и Хань Дун — это один человек. Тот самый одинокий и отрешённый художник был всего лишь робкой душой, спрятанной под оболочкой жизнерадостного Хань Чжоу, другой личностью, которую он создал после травмы.

<http://bllate.org/book/15564/1415579>